

Крестом к пути лежу на верхней полке

193

*Герман
Пирогов*

«Казанский альманах» – молодое издание, но у него уже есть свои традиции. Одна из них – приглашение на журнальные страницы наших соседей, стихотворцев и прозаиков, представляющих различные национальные литературы России, а также ближнего зарубежья (хотя и дальнего, как известно, мы не чураемся). Гость этого номера «КА» – известный поэт и переводчик Республики Марий Эл – Герман Пирогов.

Герман Прохорович (1951) окончил Казанский государственный университет. Живёт и работает в Йошкар-Оле. Он автор шести поэтических сборников. В публикуемую подборку включены стихи и переводы с марийского, созданные поэтом в разные годы

* * *

От северов до северов
через жару, моря и горы,
оставив выпады и споры,
бросайте медленные взоры
все, кто действительно здоров.
Отставьте бомбы да ножи,
на свалку выбросьте кинжалы,
в речах остатки рвите жала,
чтоб ничего не помешало
смотреть и думать: как нам жить?

194

Лета и лето

И снова дожил. Снова кисть сирени
весома так... Дожди – как дождепад.
Дерев густы, свежи, желанны тени.
И мимо, мимо стрелы эскапад.
И вера в то, что всё пойдёт иначе,
в порядке будет, можно наперёд,
восход встречая где-нибудь на даче,
в морях найти течения и брод.
Не веря в прежний свой же горький опыт,
прожарен солнцем, трепетен и скор,
заслышав страхов зов, сигналы, ропот,
наивно строишь мысленно забор.
Так сорок дней и, может быть, побольше,
пока на стол упавший ранний лист
не вырвет взгляд... Подумаешь: о боже,
как краток мир, хоть зелен и речист,
где что дано – затем, чтобы сурово
за это взять с лихвой, а не сполна,
забить однажды гвоздик в крышку гроба...
Отбыта жизнь – не прожита она.

* * *

Я видел, лось, стуча ногами,
к реке спустился парাপетом,
макнул рога – примета: с нами
простилось так, наверно, лето.
Ушло, но лучшей всё же сказки
оно пока не рассказало.
В ней зреют поздние ромашки.
Там воздух движется устало.
Почти берёшь его на ощупь,
он в эту пору может литься,
не зная меру, в нём полощут
деревья выцветшие листья.

Рис. М. Клюкиной

* * *

Но если горе у него,
зачем на долю он не ропщет,
с работы вечером легко
идёт совсем не к тихой роще,
где всеми принято берёз
искать с недельку состраданье,
зачем в глазах не видно слёз,
не в три ручья – а просто дани,
зачем не пьёт помин-вина,
как мало в нём с скорбящим сходства.
И шёпот вполз: его вина –
не кажет горя и сиротства.
А он тогда окаменел
(вы камень плачущий встречали?),

опорой близким быть сумел
и ради слабых не посмел
отдать всего себя печали.

* * *

На редких травах май взошёл,
ещё не выбрел подорожник,
ещё был слабым свет большой,
он ждал грозы, а полил дождик.
Ещё не встретилась душа
с другой, такую же мажорной,
и только молкла, не дыша,
над мать-и-мачехою жёлтой.
И синь светлеющей воды
на сонной грани дня и ночи
ловила блеск одной звезды,
горевшей насмерть среди прочих.
Был мир пока полураскрыт,
он был на шёпоте, на взлёте...
Но буйно жизнь заговорит –
и горло сдавит, как вдохнёте.

* * *

А снег не падает – скользит
по долгой ночи целине.
Моей душе его транзит
не по душе. И зябко мне.
Из белых движущихся тел,
саму колебля темноту,
знакомый кто-то посмотрел –
и стало мне невмоготу.
При жизни был ни друг ни враг,
давно взяла его пурга...
но вздрогнул я, подумал, как
дожить сегодня до утра.